

„Лебедь“.

аконецъ-то вы дома! Фу, ты пропасть—дома, да еще и въ дамской роли!—такъ сказалъ бравый ротмистръ N, входя въ квартиру своего однополчанина корнета N.

— Ахъ, ротмистръ, пожалуйста, пожалуйста, милости прошу. Пожалуйста, садитесь или ложитесь, хотите на диванъ, хотите на кровать, будьте дорогимъ гостемъ и приказывайте.

— Да, вы, батюшка, зубы не заговаривайте, а скажите-ка, гдѣ васъ не добрый носить и что это за рукодѣлье?—спросилъ ротмистръ, указывая на пальцы, на которыхъ корнетъ вышивалъ коверъ.

— О, ротмистръ, вы нападаете на меня. Всего-то на всего вы не застали меня дома только пять разъ, но вѣдь по своему холостому положенію я тотъ же волкъ, а «волка ноги кормятъ», говоритъ пословица. Что же касается рукодѣлія, то маленько ошибаетесь. Прежде, когда я вышивалъ въ крестикъ и гладью, было дѣйствительно рукодѣліе, а это... это что-то другое, пожалуй особаго рода кустарное производство.

— Ха-ха-ха! «особаго рода» кустарное проивводство», ловко сказано. Впрочемъ, понимаю, «особаго рода», вѣроятно, потому, что на этомъ коврикѣ будетъ наслаждаться природою и благами ея въ кущахъ розъ, душистой сирени, жимолости, а, можетъ быть, и чертополоха какая-нибудь лѣсная фея. Охъ, корнетъ, корнетъ, не сносить вамъ буйной головушки, будетъ вамъ «сѣкимъ башка».

— Ужъ и не сносить, а ваше в—діе сносили же. Чи—

татъ надоѣдаетъ, въ карты не играю, водки пока не люблю, ѣзда въ манежѣ, но и такъ по пяти часовъ въ день толкусь въ сѣдлѣ, точно „Марко въ пеклѣ“, даже „Маркизь“ и „Касатка“ спали съ тѣла.

— Ну, и что же?

— Вотъ и вышиваю отъ нечего дѣлать, а, можетъ быть, отправлю въ Х. на выставку женскихъ ручныхъ работъ.

— Что вы, что вы, долго ли до грѣха. Пойдетъ молва— сначала о вашемъ бабьемъ искусствѣ, а потомъ о слабости русскаго оружія. Турка войну объявитъ, да и англичанка не утерпитъ. Нѣтъ, батюшка, такими вещами шутить нельзя, да вы этого и не сдѣлаете, и пойдетъ сія рѣдкостная штучка туда, куда пошли всѣ ваши салфеточки, полотенца и имъ подобное тряпье.

— Нѣтъ, ротмистръ, вы ошибаетесь. Подарокъ для дамы, а пуще того для дѣвицы долженъ быть, по словамъ моего Михайла, «прозрачнымъ».

— Какъ, какъ! «Прозрачнымъ»?

— Михайло! Михайло!—закричалъ ротмистръ.

— Что прикажете, в. б—діе?—заораль влетѣвшій въ комнату денщикъ.

— Какой долженъ быть подарокъ для дѣвицы?

— «Прозрачный», в. в—діе!

— Прозрачный, дубина!

— Такъ точно, проздр... прозрачный, в. б—діе!

— Вотъ видите, ротмистръ, «прозрачный», а коверъ, что тутъ мудренаго. Три аршина рогожки, да на 16 руб. гаруса, вотъ и вся штука. Этимъ не возьмешь,—сказалъ корнетъ.

— Не возьмешь. А сюжетъ-то, сюжетъ чего стоитъ. Невинная курочка и два гордыхъ пѣтуха — тонко придумано. Нѣтъ, корнетъ, воля ваша, а я отдамъ васъ въ школу кройки и шитья.

— Голубчикъ, отдайте, будьте отцомъ роднымъ, авось я выучусь тамъ этому самому «прозрачному» искусству и выйду въ люди.

— Хорошо, отдамъ, быть по сему. А теперь слушайте правду. Пѣтушки ваши маленько подгуляли. Смотрятъ они гордо, съ отвагою, шпоры у нихъ, какъ слѣдуетъ, ужасу

подобны, точно у нашего вахмистра, а хвосты... хвосты не то, не по-военному, чортъ поberi, не выдержанъ штрихъ, шпакомъ пахнетъ,—сказаль ротмистръ, и собесѣдники расхохотались.

— Впрочемъ,—продолжалъ ротмистръ,—я въ женскомъ трудѣ профанъ, болтаю зря, да и вовсе не для этого пришелъ къ вамъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Завтра праздникъ, ни въ манежѣ, ни въ школѣ работы не будетъ, заниматься «словесностью» не придется, спрашивать миллионы ни Мазуркевича, ни Пройды свита полковникъ не приѣдетъ, махнемъ-ка съ утра, часиковъ въ 7, на зайчиковъ.

— Пожалуйста поѣдемъ,—съ радостью подхватилъ корнетъ,—но только куда?

— Покатимъ въ одинъ укромный лѣсочекъ. Кстати, попробуемъ моего «Лебеда».

— Какого «Лебеда»?

— Какъ какого. Да развѣ вы еще не знаете. Я купилъ къ своей парѣ третьяго жеребца. Змій просто. Вотъ ужъ поистинѣ можно сказать: «бѣжить — земля дрожить, а станеть — по колѣни въ землю войдетъ». Идемъ сейчасъ смотрѣть, а потомъ пообѣдаемъ вмѣстѣ, Катя будетъ рада,—сказаль ротмистръ.

— Благодарю, но я сегодня обѣдаю у Б., а «Лебедемъ» позвольте полюбоваться завтра.

— Ладно,—сказаль ротмистръ и, пообѣщавъ заѣхать «завтра въ 7 часовъ утра», поднялся съ дивана, пожалъ корнету руку и ушелъ домой.

На другой день, въ 6 часовъ утра, корнетъ уже не спалъ и, лежа въ постели, пилъ чай и читаль принесенный ему приказъ по полку.

Ровно въ 7 часовъ подъѣхаль ротмистръ. Быстро вышелъ къ нему корнетъ и, поздоровавшись, невольно заглядѣлся на «Лебеда». Дѣйствительно, было на что посмотрѣть.

Сухой, рослый, стройный, съ небольшой головой, выпуклыми и открытыми глазами, съ красиво выгнутой и высоко поставленной шеей и такимъ же роскошнымъ хвостомъ, свѣтло-сѣрый жеребецъ стоялъ въ оглобляхъ, какъ

монументъ, и, вода ушами, кусаль удила и выдѣляль клубы бѣлой пѣны.

Легкія, изящныя сани, въ которыя былъ запряженъ «Лебедь», и почти новая русская, украшенная блестящими бляхами сбруя гармонировали съ красотою «Лебеда», и все это, вмѣстѣ съ лихимъ ротмистромъ и тремя гончаками, которые смирно ютились въ передкѣ саней, просилось на полотно.

— А какъ же мы безъ кучера?—спросилъ корнетъ, садясь въ сани.

— Да зачѣмъ онъ намъ, собакъ стѣснять. «Было бы корыто, а свиньи найдутся»,—отвѣтилъ ротмистръ и, чмокнувъ на «Лебеда», отдалъ ему натянутыя голубыя вожжи.

«Лебедь» легъ въ хомутъ и съ мѣста пошелъ рысью, все больше и больше прося свободы.

Октябрьская чудная тихая погода радовала духъ. Мороза было 3—4°. Накатанная дорога не оставляла желать ничего лучшаго.

Жизнерадостное настроеніе корнета било ключомъ, ротмистръ былъ угрюмъ и неразговорчивъ. Все вниманіе его было сосредоточено на дорогомъ «Лебедѣ».

«Лебедь» какъ бы позировалъ. Поднимая высоко и красиво переднія ноги, онъ просто печаталъ ими, а при видѣ другихъ лошадей ржалъ и рвался впередъ, чтобы не быть позади.

Нѣсколько разъ корнетъ заводилъ рѣчь о «Лебедѣ», но ротмистръ только поддакивалъ, а на вопросъ, сколько онъ заплатилъ за «Лебеда», отвѣтилъ:

— Сколько заплатилъ? Какъ вамъ сказать—и дешево, и дорого, а сколько именно, послѣ узнаете.

«Лебедь», по собственной инициативѣ, то переходилъ минуты на двѣ, на три въ шагъ, то снова начиналъ отчеканивать рысью, забрасывая сѣдоковъ комьями снѣга.

Проѣхавъ версть 12—15 по широкой почтовой дорогѣ, охотники свернули налѣво, къ виднѣвшемуся лѣсу, и спустя 10 минутъ были уже въ лѣсу, у новой хаты лѣсника.

Здѣсь они распрягли «Лебеда», покрыли его попоной и поручили лѣснику выводить, а сами зашли въ избу и

начали завтракать тѣмъ, что любовно было заготовлено благовѣрною супругою ротмистра въ его дорожномъ погребцѣ.

Спустя $\frac{1}{2}$ часа ротмистръ завелъ «Лебедя» въ просторныя сѣни хаты, привязалъ его къ нарочито устроеннымъ яслямъ, подложилъ ему пахучаго лѣснаго сѣна и, давъ лѣснику указанія насчетъ дальнѣйшаго ухода за лошадыю, направился вмѣстѣ съ корнетомъ въ лѣсъ.

Спущенныя собаки бросились въ разныя стороны и вскорости «Докучай» подаль голосъ. Къ нему подвалили «Скрипка» и «Шумило», и пошла потѣха.

По горячему непрерывному гону, въ которомъ «Скрипка» своимъ звонкимъ и тонкимъ голосомъ давала тонъ, было видно, что подвернулась хитрая кумушка.

Какъ ни мастерили охотники, но воспользоваться ея шубкой имъ не удалось.

Кумушка то уводила собакъ со слуха, то вновь возвращалась къ охотникамъ, но вовсе не туда, гдѣ ее желанную поджидали, и въ концѣ-концовъ перешла въ другой островъ, куда за нею прорвались и собаки.

Прошелъ добрый часъ, какъ вдругъ недалеко отъ охотниковъ залилась «Скрипка» по зрячему зайцу.

Она точно плакала. Казалось, вотъ-вотъ она сцапаетъ сего рыцаря со страхомъ и упрекомъ и оставить его безъ куцаго украшенія. Охотники заметались.

Корнетъ стремглавъ бросился туда, гдѣ былъ поднять заяцъ, и черезъ двѣ—три минуты стоялъ уже тамъ, у перекрестка двухъ просѣкъ, и зорко посматривалъ по сторонамъ.

Заяцъ вышелъ на опушку лѣса, проскакалъ съ $\frac{1}{2}$ версты по наѣзженной дорогѣ и, оставивъ далеко позади себя «Скрипку», свернулъ въ сторону, прыгнулъ въ оврагъ, метнулся въ одинъ изъ овражковъ его и вышелъ, наконецъ, на только что оставленную имъ роковую для него просѣку, гдѣ и напоролся на корнета.

Грянулъ выстрѣлъ, заяцъ опрокинулся и задрогалъ ногами, обагрывая пушистый снѣгъ своей алой кровью.

— Ого, го, го!—закричалъ корнетъ и, поднявъ зайца

за заднія ноги, началъ показывать подоспѣвшей его «Охотникъ», но убитый заяцъ уже не привлекалъ ея, и она пресеклась дальше.

Время шло, съ нимъ мѣнялась и погода. Начали летать снѣжинки, стало пасмурно и похолоднѣло.

«Шумило» тоже не дремалъ и, обыскивая, по усвоенной имъ привычкѣ, самыя непролазныя мѣста, въ свою очередь, поднималъ звѣря. Къ нему подвалили другія двѣ собаки и заварили кашу.

Голосистыя, вѣрныя, паратыя и злобныя собаки давали концертъ.

Вслушиваясь въ музыку собачьяго гона, охотники испытывали сладостное томленіе, присущее страстнымъ охотникамъ, и сжимали ружья наизготовкѣ.

На этотъ разъ подвернулась другая кумушка. Она была не такъ мудра, опытна и счастлива, какъ первая ея подруга и, сдѣлавъ два круга, продравъ частымъ лознякомъ и кочковатымъ болотцемъ, угораздила на ротмистра.

Снова грянули одинъ за другимъ два выстрѣла и вслѣдъ за ними раздалось по лѣсу зычное ого! го! го! го!

Бѣдная кумушка лежала у ногъ ротмистра съ закушеннымъ кровавымъ языкомъ и отброшенной вверхъ трубой.

Ярныя собаки молча пронеслись дальше, какъ будто бы имъ не было никакого дѣла ни до хозяина ихъ, ни до лищицы.

Послѣ этого компаньоны сошлись, покурили вмѣстѣ, подѣлились впечатлѣніями, выразили другъ другу соболѣзнованіе по поводу рѣзкаго измѣненія погоды и снова разошлись.

Собаки изрѣдка, поодионочкѣ, показывались на глаза охотникамъ, но къ рукамъ не подходили и на зовъ никакого вниманія не обращали.

Черезъ нѣкоторое время подаль голось «Докучай». Къ нему подоспѣлъ «Шумило», и они дружно выставили косяго на ротмистра.

Вскинувъ ружье, ротмистръ выстрѣлилъ, но неудачно. Заяцъ съ перебитой ногой заковылялъ въ кусты.

— Аряря! аряря! аряря! — закричалъ ротмистръ, указы-

вая подоспѣвшимъ собакамъ на слѣдъ подстрѣленного зайца, быстроногія собаки скоро дошли до изувѣченнаго звѣрка и потащили его въ разныя стороны; спустя же десять—двадцать секундъ, заяцъ лежалъ бездыханнымъ трупомъ, а «Докучай» и «Шумило», вцѣпившись другъ въ друга зубами, упражнялись въ единоборствѣ.

Прибѣжавшіе на драку охотники схватили собакъ за заднія ноги и, такимъ образомъ, положили конецъ кровавой междоусобицѣ.

Уже перевалило за полдень, собаки поднимали звѣря еще и еще, но шумъ лѣса заглушалъ ихъ гонъ.

Охотники рѣшили окончить охоту и начали подтрублывать собакъ, но какъ на грѣхъ, въ это время онѣ натекли на козу и ушли за нею, казалось, навсегда.

Трубили, кричали, стрѣляли, но все безъ успѣха.

Дѣлать было нечего, пришлось возвращаться къ лѣснику безъ собакъ.

На дворѣ уже смеркалось. Холодный вѣтеръ забирался во всѣ щели и прорѣхи платья и гуляла метель.

Около 6 часовъ вечера охотники пришли къ лѣснику, осмотрѣли «Лебеда» и принялись отогрѣваться китайскимъ зельемъ.

Тѣмъ временемъ лѣсникъ подтрубливалъ собакъ и изрѣдка докладывалъ: «Нема ихъ щось», а въ послѣдній разъ еще прибавилъ: «Якъ бы съ ими не пошкодылы вовки, бо до биса ихъ тутъ шляетця».

Охотники волновались и рѣшили хотя бы ночевать у лѣсника, но безъ собакъ домой не возвращаться, а собаки «себѣ на умѣ» тоже порѣшили побережъ свои шкуры и къ 7 часамъ явились живы и здоровы.

Быстро впрягли охотники красавца «Лебеда», уложили въ сани собакъ и добычу, зарядили ружья на дорогу картечью и двинулись домой въ славный уѣздный городъ, гдѣ стоялъ штабъ одного изъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, и какихъ городовъ на матушкѣ Руси великое множество.

Выбравшись изъ лѣса въ поле, охотники увидѣли, что чудной дороги нѣтъ какъ нѣтъ.

На ней то и дѣло попадались переметы снѣга въ четверть аршина и больше глубины.

Тѣмъ не менѣе, по выѣздѣ изъ лѣса «Лебедь» перешелъ въ рысь, быстро выбрался на почтовую дорогу, по мѣстному «шляхъ», и пошелъ работать не хуже заправскаго рысака.

Корнетъ, боясь замерзнуть, старался получше закрыть свои ноги, а ротмистръ сокрушался за поздній выѣздъ и даже подумалъ вслухъ: «Даль бы Богъ благополучно добраться домой».

«Дорога знакома, «Лебедь», какъ лебедь, не пристанетъ и въ обиду не дастъ, ротмистръ не трусь, а поди же, чего-то волнуется,—думалъ въ свою очередь корнетъ, развѣ что погода . . . . , но далеко ли тутъ».

Вдругъ «Лебедь» круто поворотилъ налѣво и вмѣсто того, чтобы послушаться возжей, вовсе остановился.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ корнетъ.

— Остановился.

— Почему?

— А чортъ его знаетъ.

— А вы его кнутомъ.

— «Лебеда» кнутомъ. Нельзя.

— Какъ нельзя?

— Нельзя.

— Быть можетъ, хомутъ рѣжетъ, сѣделка, вотъ я встану,—сказалъ корнетъ,—и посмотрю.

— Нѣтъ, нѣтъ, сидите,—я самъ встану,—отвѣтилъ ротмистръ и передалъ вожжи корнету.

Вставъ съ саней, онъ осмотрѣлъ сбрую, взялъ лошадь подъ уздцы и провелъ ее нѣсколько шаговъ, а потомъ, мало-по-малу отставая отъ нея, снова сѣлъ въ сани и «Лебедь» опять началъ печатать полной рысью.

«Вотъ-те и штука,—думалъ корнетъ,—въ чемъ же тутъ дѣло.»

А «Лебедь» тыцъ, и снова остановился.

— Эге, ге, дѣло наше плохо,—сказалъ корнетъ и добавилъ:—да вы его кнутомъ, это поможетъ.

— Боже упаси. Встаньте, голубчикъ, обласкайте и проведите маленько.

— Хорошо,—отвѣтилъ корнетъ и, раскрывши свои, тщательно закутанныя ноги, всталъ, осмотрѣлъ хомутъ, сѣделку, покачалъ для чего-то туда и сюда дугу, поправилъ у „Лебеда“ гриву и челку, потрепалъ его съ одной и другой стороны по крутой шеѣ, взялъ за одну изъ вожжей и тронулъ съ мѣста.

Опять пошелъ нашъ „Лебедь“, какъ ни въ чемъ не бывало, но не надолго. Пробѣжавъ шаговъ 200, онъ снова остановился.

— Проведите, пожалуйста, еще разъ,—попросилъ ротмистръ корнета.

— Еще разъ можно,—отвѣтилъ корнетъ и опять вылѣзъ изъ саней въ снѣжный сугробъ, взялъ „Лебеда“ за поводъ и повелъ впередъ.

Проведя шаговъ 50, онъ хотѣлъ было сѣсть въ сани, но „Лебедь“ ни съ мѣста.

Снова повелъ его корнетъ дальше.

Такъ повторялось разъ 5—6, и каждый разъ „Лебедь“ маршировалъ въ рукахъ все дольше и дольше.

Между тѣмъ вѣтеръ свисталъ во всю, а мелкій снѣгъ засыпалъ глаза и уши и забирался всюду, куда только возможно было проникнуть.

— Нѣтъ, ротмистръ, воля ваша, а дальше вести это собачье мясо я отказываюсь,—сказалъ корнетъ и направился къ санямъ.

На его мѣсто сталъ ротмистръ, но „Лебедь“ то шелъ, когда его вели, то попрежнему останавливался. Наконецъ, какъ бы уступая напускнымъ ласкамъ ротмистра, который въ то же время скрежеталъ зубами и ласкалъ его всевозможными приличными случаю эпитетами, пробѣжалъ шаговъ 200—300 и снова остановился.

При этой остановкѣ прозябнувшій уже и обозлившійся корнетъ выхватилъ лежавшій возлѣ него, подъ рукою, кнутъ и хлестко перетянулъ имъ „Лебеда“ вдоль спины.

„Лебедь“, какъ молнія, ударилъ задомъ разъ, два, выбилъ передокъ саней, сдѣлалъ прыжокъ впередъ и, поворачивъ налѣво кругомъ, понесъ назадъ.

Едва-едва удержавшіеся на саняхъ сѣдоки вцѣпились

оба въ вожжи и, казалось, хотѣли разрѣзать „Лебеда“ удилами на двѣ части, но „Лебедю“ и горя мало.

Онъ несъ ихъ на вожжахъ, своротилъ съ почтовой дороги направо и, проскакавъ нѣсколько по обозначенной вѣхами проселочной дорогѣ, остановился, наконецъ.

— Ну, вотъ видите, зачѣмъ ударили, разнесетъ, щепокъ не останется,—пробурчалъ ротмистръ.

— Разнесетъ! Что же, вести будете 15 верстъ? Я отказываюсь, отказываюсь и удивляюсь, какъ вы могли пригласить меня ѣхать зимой вдаль на такой лошади, не сказавъ ни слова о милыхъ качествахъ ея,—отвѣтилъ корнетъ со злобой въ голосѣ.

— Простите, но я зналъ и знаю этого дьявола чуть-чуть немножко больше васъ,—сказалъ ротмистръ и началъ поворачивать „Лебеда“ вожжой назадъ, но „Лебедь“ гребъ ногой, фыркалъ и рвался впередъ.

— Вы не знали,—продолжалъ съ ироніей корнетъ,—зато я знаю, что когда онъ „бѣжитъ—земля дрожитъ, а станетъ—по колѣни въ землю войдетъ“.

— А, не вѣрите, такъ я вамъ докажу,—почти закричалъ ротмистръ и, бросивъ корнету вожжи, во мгновеніе ока схватилъ ружье, спрыгнулъ съ саней и выстрѣлилъ почти сразу изъ обоихъ стволовъ подъ правую лопатку „Лебеда“.

Упорное животное взвилось на дыбы и съ какимъ-то ревомъ—съ послѣдней лебединой пѣснью—грохнулось на правую оглоблю и забилося въ предсмертной агоніи.

Соскочившій съ саней корнетъ первое мгновеніе какъ бы остоленѣлъ, потомъ быстро схватилъ свое ружье и также выстрѣлилъ „Лебедю“ въ лѣвый бокъ, тоже подъ лопатку.

„Лебедь“ вытянулся, заскрежеталъ зубами и околѣлъ.

Наступила тишина, и только попрежнему рвалъ и металъ сердитый вѣтеръ, неся съ собою тучи снѣга.

— Такъ лучше будетъ,—прервалъ молчаніе ротмистръ,—нѣтъ уroda, который могъ бы погубить если не насъ, то кого-нибудь другого; нѣтъ, надѣюсь, и сомнѣній между нами.

Корнетъ молчалъ, его душили спазмы отъ прилива горькихъ, едва сдерживаемыхъ слезъ.

Послѣ этого охотники взяли пледъ, погребецъ и добычу свою, поймали собакъ, которыя выскочили изъ саней при выстрѣлахъ ротмистра, сомкнули ихъ и пошли обратно къ лѣснику, благо до него было версты три.

Спалось имъ въ хатѣ лѣсника скверно.

Было жестко, неудобно, да и въ душѣ копошился какой-то червь, но все же они спали, а въ это время надъ залитымъ кровью трупомъ красавца „Лебедя“ пировала шайка зубастыхъ и злыхъ разбойниковъ...

На другой день, рано утромъ, лѣсникъ, собираясь доставить охотниковъ въ городъ и забрать по пути сбрую и сани съ убитой лошади, спросилъ у ротмистра:

— А у кого жъ, в. в-родіе, купили вы того коня?

А чортъ его знаетъ. У какого-то Деревянки.

— У Деревянки, у Калистрата Петровича. Знаю, знаю, винъ тутъ недалечко живе, верстивъ съ пять, на тимъ боци шляху.

— На тимъ боци шляху, — повторилъ врасстяжку ротмистръ и понялъ все.

А. Рыхлевскій.

